

Одна чашка тофу с перцем и сычуаньским перцем, тарелка жареных ломтиков мяса да суп из амаранта - самый обычный обед. Тофу был свежим, нежным и скользил по языку, мясо получилось мягким, не сухим. Сяо И наелся досыта. Даже последние капли соуса он вымакал лепёшкой из смешанной муки, оставив чашки и тарелки чистыми, словно их уже вымыли.

Тофу был пряным и ароматным, мясо - острым, с характерным онемением от сычуаньского перца, идеально к рису. Сяо И съел две чашки подряд и даже не отвлекался на разговоры. Ему страшно было представить, что за жизнь он вёл прежде.

Линь Мудун, глядя на блюда, сглатывал слюну, но палочками к мясу так и не притрагивался. Он ел только пампушку и дикий амарант. Для него уже само то, что можно досыта поест хлеба, казалось большой удачей.

Сяо И первым это заметил и переложил ему в чашку больше половины мяса.

Линь Мудун перепугался и поспешно замахал руками:

— Я... я столько не съем.

— Ешь сколько хочешь, — Сяо И улыбнулся ему и в несколько укусов расправился с пампушкой в руке. — Мы купили кунжутное масло. Полей немного на паровое яйцо для бабушки, будет вкуснее.

Лекарь сказал, что старушка почти поправилась, но ей всё ещё нужен покой, поэтому в ближайшие дни лучше не выходить из дома. Закончив готовить, Линь Мудун отнёс еду в комнату бабушки.

Сам Сяо И почти не видел старушку.

Яйца для неё не переводились ни на день. Осенью и зимой они стоили дорого, но Сяо И всё равно покупал их на деньги, вырученные за дрова. В крайнем случае завтра можно будет лишний раз сходить в горы, а в следующем году посадить побольше молодых деревьев.

От такой заботы Линь Мудуну становилось всё тревожнее. Он твёрдо решил работать вдвое усерднее и ни минуты не сидеть без дела. После еды Линь Мудун первым схватился за посуду. Сяо И не смог его остановить и понял: если тот ничего не делает, то только сильнее нервничает. Поэтому он уступил.

Когда посуда была вымыта, Линь Мудун остановился у двери и посмотрел на него с таким видом, словно хотел что-то сказать, но никак не решался.

— Что случилось?

Линь Мудун крепче сжал край одежды и осторожно спросил:

— Я хочу помыться... можно?

Для незамужнего гэра заговорить о купании перед мужчиной было достаточно неловко и стыдно, чтобы залиться краской. Но Линь Мудун чувствовал, что от него уже почти пахнет. За долгие дни бегства от бедствия откуда было взяться возможности нормально вымыться? Он очень любил чистоту и не хотел, чтобы другие почувствовали запах и начали брезговать им.

К тому же дрова Сяо И можно было продать за деньги. Разве мог он жечь их столько, сколько ему вздумается?

От этих мыслей Линь Мудун стоял на месте, не зная, как поступить.

То, что даже для купания ему приходилось смотреть на чужое настроение, на мгновение больно кольнуло Сяо И в сердце. Он направился к сараю с дровами.

— Налей воду в котёл, а я принесу дрова.

Сказав это, он немного помолчал и уже тише добавил:

— Нагрей побольше. Я тоже помоюсь.

Последние несколько дней он постоянно лазил по горам, так что и сам был далеко не чист. Если Линь Мудун вымоется, а он нет, это будет выглядеть ещё неряшливее.

К тому же Сяо И и сам любил чистоту.

Глаза Линь Мудуна сразу просветлели. Он несколько раз кивнул и принялся черпаком из тыквы наливать воду в котёл. Одна только возможность помыться мгновенно сняла с него немалую часть напряжения, и даже выражение лица стало живее.

Войдя в сарай, Сяо И заметил небольшой узелок Линь Мудуна, лежавший в углу. У него ёкнуло сердце. Бамбуковая кровать в восточной комнате вмещала лишь одного человека, выходит, Линь Мудун спал в деревянном сарае.

Молодой гэр был слишком понятливым: предпочёл ночевать среди дров, лишь бы не доставлять ему хлопот. Но именно эта осторожность и боязнь обременить другого заставляли Сяо И чувствовать себя ещё хуже.

Он перенёс дрова на кухню. Ночь была очень тихой. Они оба находились в кухне, но, казалось,

не знали, о чём говорить. Линь Мудун сидел за очагом и поддерживал огонь. Тёплое золотистое пламя отражалось на его щеках, а в мягком свете профиль казался белым и нежным. Сяо И тоже было скучно просто стоять без дела, но уходить почему-то не хотелось. Он подошёл ближе, присел рядом, начал помогать ломать и подавать дрова и изо всех сил придумывал, о чём бы заговорить.

— В сарае для дров спать неудобно. У Даяна дома есть свободная деревянная кровать, я принесу её, и вы с бабушкой будете спать вместе.

Он был слишком добр к нему, и Линь Мудун не знал, как на это реагировать. От тепла очага его к тому же клонило в сон. Он рассеянно кивнул:

— Хорошо. Спасибо.

Пальцы Сяо И едва заметно шевельнулись. Краем глаза он видел гладкий, светлый профиль молодого гэра. Наверняка, если слегка ущипнуть его за щёку, будет забавно. А если Линь Мудун после этого нахмурится, робко покажет недовольство, но всё равно не осмелится по-настоящему рассердиться, будет ещё забавнее.

Сяо И тихо кашлянул, скрывая эту неожиданную мысль, и сказал:

— Я пока выйду, позову Даяна помочь перенести кровать. Когда вода нагреется, просто позови меня.

Порыв ветра пронёсся мимо, и Сяо И уже выбежал за ворота. Вскоре его голос донёсся из соседнего двора. А Линь Мудун, разумеется, и понятия не имел о его дурных мыслях. Он зевнул так, что в уголках глаз выступила влага, подпер подбородок рукой и начал клевать носом, словно цыплёнок.

Для купания во дворе имелась отдельная купальня, рядом с отхожим местом. У крестьян в мытье не было особых сложностей: таз горячей воды да полотенце - намочил и можно оттираться.

Линь Мудун украдкой принёс себе целых два таза. Он был слишком грязным - с кожи сходил толстый слой грязи, и от этого ему становилось неловко. Да и одежда тоже была грязной...

Линь Мудун стоял у двери, и по его спине было видно, что он чем-то обеспокоен. Сяо И сразу заметил:

— Вода не той температуры? Если слишком горячая, я принесу ещё таз холодной.

— Нет, — Линь Мудун покачал головой и с затруднением признался: — Одежда у меня грязная, а сменной нет.

Сяо И на мгновение застыл.

— Это я не подумал.

Он был мужчиной, у него не было ни младшего брата, ни сестры, поэтому подходящей одежды в доме не находилось.

— Подожди немного.

С этими словами Сяо И снова быстрым шагом выбежал из дома.

Когда Сяо И вернулся, в корзине лежали две одежды для молодого гэра: одна светло-серая, другая цвета молодого бамбука.

Он улыбнулся:

— Ли-гэр, с которым помолвлен Шуньцзы, примерно одного с тобой сложения. Я попросил Шуньцзы одолжить тебе пару вещей, пока поноси их. А завтра съезжу в город и куплю отрез ткани. Шить одежду умеешь?

— Немного умею, мама учила, — Линь Мудун закивал так часто, словно цыпленок клевал зёрна. Мать обучала его этому с самого детства. Он посмотрел на Сяо И с глубокой благодарностью.

В купальне было тесно. Линь Мудун снял одежду и принялся усердно оттираться, пока кожа не стала белой с розоватым румянцем. Лишь тогда он почувствовал себя наконец чистым и свежим. Он старался двигаться как можно тише, боясь издать хоть какой-нибудь звук. Если Сяо И услышит, как он моется, это будет ужасно стыдно.

Одолженная одежда была новой и чистой. Линь Мудун осторожно надел её.

Сяо И тем временем рубил во дворе дрова - каждый взмах топора раскалывал полено с одного удара.

Когда Линь Мудун вышел в новой одежде, Сяо И уставился на него и на мгновение застыл. Бамбуково-зелёный цвет ещё сильнее оттенял белизну кожи. В тусклом свете вечерних сумерек мягкие пряди волос скользили по светлым щекам, а глаза казались прозрачными, словно осенние воды, тронутые рябью.

Линь Мудун и вправду был красив, особенно когда улыбался: округлые щёки покрывались лёгким румянцем, а из-под губ едва проглядывали два острых клычка.

Сяо И слегка растерялся и сам не заметил, как сбилось дыхание.

— Тебе очень идёт эта одежда. Красиво, — тихо произнёс он.

Будь Дациян сейчас рядом, он со своим длинным языком непременно снова начал бы поддразнивать Сяо И.

Линь Мудун опустил голову, смутившись от похвалы:

— Спасибо.

Небо постепенно темнело, в крестьянских дворах зажглись масляные светильники. Обычно в это время крестьяне ещё не ложились спать. Те, кому не сиделось без дела, продолжали работать при свете лампы: сучили пеньковые верёвки, плели соломенные сандалии. Однако допоздна никто не засиживался - жалко было тратить ламповое масло. Стоило погасить свет, как утомлённое за день тело наконец расслаблялось, и человек проваливался в глубокий сон без сновидений до самого рассвета.

Наутро петушиный крик разбудил деревню Сяохэ.

В горах стелился лёгкий туман, и сегодня было холоднее, чем вчера. Ночью Линь Мудун спал на кровати; постель была мягкой и чистой, и стоило ему коснуться головой подушки, как он сразу уснул, не увидев ни одного кошмара.

Открыв глаза, он ещё долго сонно моргал.

Сяо И уже ушёл. Он встал ещё до рассвета, чтобы до восхода солнца нарубить дров и привезти их во двор, а затем вместе с Дацияном отвезти высушенные дрова в город.

Свеженарубленные дрова были сложены в углу, просушить их пока не успели.

— Бабушка, я пойду поработаю, — сказал Линь Мудун, велев Ли Юйфэнь ещё немного поспать.

Ли Юйфэнь кивнула ему с ласковой улыбкой. Утром она уже выпила лекарственный отвар и теперь чувствовала себя довольно бодро.

В котле оставались две порции каши из смеси злаков - Сяо И сварил её рано утром. Увидев готовый завтрак, Линь Мудун на мгновение растерялся. Ночью на кровати было слишком удобно, и он неожиданно проспал. К тому же Сяо И пришлось самому готовить еду. От этого Линь Мудун запаниковал и почувствовал ещё большую неловкость.

Он съел кашу, но, хотя Сяо И не было дома, всё равно не решился притронуться к квашеным овощам в кувшине, опасаясь, что его сочтут человеком, который тайком ест лучшее в одиночку.

Утренний свет уже ложился на горный лес, когда Линь Мудун принялся колоть сухие дрова, которые Сяо И накануне привёз с гор. Раньше, дома, отец с матерью иногда дёшево покупали целые брёвна, и Линь Мудун вместе с матерью тоже их колол, хотя особой сноровки у него не было. В этом деле нужна была ловкость, одной грубой силой не обойдёшься. Поначалу поленья не раскалывались, а топор даже уходил в сторону. Но постепенно он приноровился, и вскоре каждый удар раскалывал полено надвое.

Разложив дрова там, куда попадало солнце, Линь Мудун потёр ноющие запястья. Накануне вечером Сяо И говорил, что за горой есть родник: вода стекает с более высокой вершины и на середине склона собирается в неглубокий пруд. Значит, стирать можно будет там, не ходя к реке.

Линь Мудун хотел заодно выстирать грязную одежду Сяо И, но вся она лежала в его комнате, а входить туда без разрешения он не решался. Поэтому он взял бамбуковую корзину и решил выйти поискать дикие овощи или лекарственные травы. Их можно будет обработать паром, высушить, а потом продать за несколько медяков, так понемногу накопить и вернуть Сяо И долг. К тому же Линь Мудун понимал простую истину: если быть трудолюбивее, люди будут относиться к тебе лучше.

Опасаясь снова встретить тех двух молодых гэров, что попались ему вчера, он не забыл прихватить с собой палку и осторожно направился в горы.

За деревней Сяохэ тянулась непрерывная гряда зелёных гор. В самые холодные дни на вершинах даже лежал снег. Однако дальше начинались уже настоящие глубокие горы, куда осмеливались заходить лишь охотники. Обычные люди туда без нужды не совались. В глуши водились шакалы, волки, тигры и леопарды - одна ошибка могла стоить жизни. Но ещё страшнее было другое: войдёшь слишком далеко и потом не найдёшь дороги назад.

Линь Мудун всего этого не знал. Он думал лишь о том, как накопать побольше лекарственных трав. Если повезёт и попадётся что-нибудь ценное, одна находка могла принести несколько десятков взней.

Он всё глубже уходил в горы. Бамбуковая корзина уже наполнилась одуванчиками и подорожником. Стоили они недорого, всего около двух взней за цзинь, но и домой принести на овощное блюдо было неплохо.

Когда-то его отцу повезло найти в глубине гор старый корень женьшеня, и тот удалось продать за восемь лян серебра. Линь Мудун тоже надеялся на удачу и вскоре действительно заметил растение подороже. Его глаза сразу засияли от радости. Ухватившись за толстую лозу, он полез вверх по склону, намереваясь выкопать тот куст хэшоуу*.

(ПП: это корень растения *Fallopia multiflora*, широко известный в традиционной китайской медицине)

У хэшоуу было множество применений. Этот корень выглядел довольно обычно, но всё равно стоил дороже большинства лекарственных трав - примерно тридцать вэней.

Сырой хэшоуу был ядовит, поэтому обычно его обрабатывали уже в аптеках, а за необработанный корень давали мало. Но Линь Мудун с детства умел правильно готовить лекарственное сырьё, так что после обработки мог выручить за него на несколько медяков больше.

Он так обрадовался находке, что совсем забыл посмотреть на небо, и не заметил, что уже не помнит дороги, по которой поднялся в горы.

Когда небо затянуло тучами и по лесу застучал мелкий осенний дождь, лицо Линь Мудуна побледнело. Вокруг стояла такая тишина, что становилось трудно дышать.

Он несколько раз крикнул, но никто не ответил.

Деревья здесь были высокими и уходили кронами в небо. Стоило начаться дождю, как в старом лесу легко поднимался густой туман. А под мрачным небом и вовсе почти невозможно было разглядеть окрестности.

Линь Мудуну стало страшно, но он не решался идти наугад. Он знал: когда в таком древнем лесу поднимается туман, чем дальше идёшь, тем легче заблудиться окончательно. Но дождь всё усиливался, и сердце его понемногу уходило в пятки.

— Сяо И... — слабо позвал Линь Мудун.

Сяо И здесь, конечно, не было. Он просто хотел хоть немного перестать бояться.

Линь Мудун забился под переплетение выгнувшихся лоз и высокой травы, крепко прижимая к себе бамбуковую корзину. Взгляд его был совершенно беспомощным.

Из глубины гор донёсся рёв зверя. Зрачки Линь Мудуна задрожали, страх стиснул грудь так сильно, что стало трудно дышать, а сознание начало путаться.

И именно в этот момент вдали раздался до боли знакомый голос. Кто-то звал его, и голос становился всё ближе.

Линь Мудун и Сяо И внезапно встретились взглядами.

Лицо Сяо И было мрачным - трудно было понять, чего в нём больше, тревоги или гнева. Обычно открытый и улыбчивый мужчина сейчас выглядел настолько пугающе, что от него словно исходило тяжёлое давление.

Но Линь Мудуну было уже всё равно. С покрасневшими глазами он бросился к нему.

Тот, кто потерялся, наконец увидел путь к спасению.

<http://bllate.org/book/19002/1935766>